

Сауле

Беккулова

кандидат искусствоведения, доцент,
член Союза художников
СССР и Казахстана

ГИМН ЗЕМНОЙ КРАСОТЕ

Жизнь, преображенная кистью и чувством Художника, – всегда первооткрытие. Так, поразив меня с первого взгляда, предстал мир автора, прежде мне незнакомого. Он состоялся как личность, как автор живописных откровений не сегодня. Тем значительней и интересней его творчество для неискушенного зрителя, знающего его по коллективным выставкам. Лишь переступив порог юности, закончив Алматинское художественное училище и дав согласие на участие в публичных вернисажах, он принял решение и вступил в члены Союза художников Казахстана.

Но назовем наконец имя. Александр Оксак – казахстанец, профессионал своего дела, говорит о себе чрезвычайно мало, через силу. Не мастер разговорного жанра. Тем более впечатляют его скупые откровения.

– Работаю вдали от города. Родительский дом, увы, уже не существует. Там все застроили. Но в памяти он жив. В городе бываю нечасто. А дома пишу. (*И он делает выразительное движение пальцев, сжимающих кисть.*) Люблю читать. Всегда любил. И это помогает... Конечно, классику. И не только. Люблю одиночество. Когда никто не мешает работать, и нет суеты. Не слишком разбираюсь в интернет-технологиях, не люблю. Разве что телефон, по необходимости, для «связи с миром». Конечно, природа – лучшее, что есть на свете. Близки мне китайские теории дао, пришел к ним не так давно. Потому мне интересен труд Уэйна Дайера «Дао Дэ Цзин на каждый день» («Живая практика Великого Пути»). Это – выдающийся памятник китайской мудрости Лао-цзы. Ну и, конечно, неиссякаемые клады мировой философии, литературы и поэзии... Это мне интересно.

А композиции Александра Оксака необычайны. Они вызывают массу ассоциаций. Но прежде всего – это глубокий и цельный образ мира глазами и сердцем глубоко чувствующего, мудрого и грустного человека.

Отсутствие человека в пленэре тем сильнее и острее, чем лаконичнее язык изображения природы. Вот на ближнем плане целым семейством столпились на белом берегу деревья с оголенными стволами и ветвями, а снежные перепады отрогами уходят к горизонту, к дальним склонам гор и облачному небу. И нет места унынию и скорби. Но – тишина, покой, созерцание извечной красоты земли и неба – «Winter» («Зима»).

А здесь, наклоняясь под могучим напором ветра, упорно тянутся ввысь могучие дубравы в густом обрамлении листвы и в убегающей глубоко в даль перспективе

с синими проблесками неба и белизной облаков («Мисс Сендз»). Все дышит, волнуется, все – в движении и ожидании. Импрессионизм, реализм, постимпрессионизм? Да нет, не термин тут важен. Это – движение души художника. И нашей, конечно. А имя холсту дал музыкальный экзерсис, под который он рождался.

Деталь: на обороте фотографии этого полотна детским почерком художник сообщил: «Ушла на выставку в Москву. Потерялась, наверно».

Эти пейзажи с ожившими группами – так подобны они людским! – стройных тополей, карагачей, осин и берез завораживают. Есть в них та исповедальная искренность, что сразу и навсегда остается в сознании и сердце. И – никаких аналогий, сопоставлений и попыток анализа не возникает. Но особо воспринимается картина с белым домом, утопающим в зарослях листвы на фоне блеклого закатного неба в дымке облаков: вся основная часть полотна, занятого призрачно-нарядными степными цветами, фантастично-огромными дынями и кабачками, растающими в лесную густую темень, где выются и тянутся к нам ветви деревьев и злаки, стелясь по бархатно-темной земле, – «Дом детства». Все дышит сказкой и мечтой, тайной бытия, согревая и увлекая игрой охры, золота, темной коричневой массой, точно в картинах «старых мастеров» Европы.

Автор признался: «Это – дом родителей. Был...»

Из реальных фрагментарных сцен жизни леса как-то спонтанно и вполне естественно мастер увлекает в мир ирреальный, волшебный. И мы погружаемся в таинства жизнеописаний Латвии – «Калевала», с ее несравненным северным колоритом. Болотистые дебри с диковинными кустарниками и пнями, заросли глухих уголков старых лесов, ветхие очертания дряхлых мозолистых останков некогда могучих дубрав...

Медлительно, неспешно мой собеседник-художник открывает свой мир. И признается, что нередко пишет под музыку, ему близкую. Это и западноевропейская классика, и джаз, и современные авторы. Так, под мелодии Жан-Мишель Жарра рождалась композиция «Тилацин». Это – сумчатый волк, экзотическое, редкое животное. И на полотне подрагивает густо-зеленая масса зелени с всполохами ярко-красного, даря напряжением и загадкой.

И вдруг! Могучие, безлистые жизнестойкие громадные стволы, глубоко вросшие в морскую почву на берегу, высоко над водой, с всевидящим белым лунным окном ночного светила. На грани яви и сна, реальности и воображения, зрелище редкостной гармонии природы.

В коротких репликах-воспоминаниях Александра мелькнуло слово «Сааре-маа». А потом возникла композиция на эту тему – «Сааремаа Марлин» (2000 г.). Все слилось в единый гимн земной красоте – сияние алого, взлетающего к небу ириса, лохматого седого репейника, сверкающие в бурой поросли помидоры и кабачки, возлежащие на хрупком деревянном столе, вросшем в землю. Празднество земной плоти! А надо всем этим вместе с густой дикой растительностью заброшенного поля – сказочно нарядное, в алых сполохах облаков и закатного неба безбрежное пространство, зовущее, волнуемое, золотое... Небо мечты! Союз Земли и Неба!

Феерией цвета, света и полуденной волшебной сказки явилась картина с ликами таинственных героев, проглядывающих сквозь буйную летнюю растительность. Обилие солнца и небесной синевы прямо замешано на августовском дыхании цветущего поля и возникающего – вдалеке – правящего этой фантазмагорией

красок кота. Художник назвал ее «День королевской луны» (2000 г.). Разгадка? Вероятно, в связи с днем рождения автора, он – августовский.

Он, как никто, предан новой страсти к восточной философии: «Люблю даосизм». Слово «дао» в переводе с китайского «путь». В холсте «На заре» мы созерцаем мир с высокой ветки, где поет птица. И эта работа так близка по своему мировосприятию к китайской миниатюре и восточной философии: «Для того, кто чист, чисто все».

В свой мир, детски ясный и загадочный, чистый, доверчивый и прекрасный, ведет нас художник с ясными печальными глазами, верящий в торжество истины.

Александр Оксак глубоко убежден в одном: путь человека – путь к самому себе. Ланселота однажды спросили: «В чем смысл жизни?» Ответ был: «Видишь горизонт? Он – близко. Идешь к нему – он далеко. Делай добро и верь, достигнешь горизонта!»

Он с отличием окончил училище по классу художественной росписи. И с улыбкой признается, говоря о своем педагоге, живописце Амане Бахтыгалиеве: «Он ставил мне колы и двойки. Раз за разом. И я научился работать». И не упомянул о том, что занимался спортом, был членом «Поиска» – военно-патриотического клуба, помогающего в восстановлении доброй памяти героев, погибших в Гражданскую и Великую Отечественную войны.

Врасплох застал меня вопрос о Борисе Гребенщикове, знаменитом питерском поэте и певце, ровеснике Виктора Цоя. Кумиры 1990-х, они точно определили и выразили студеную атмосферу тех лет в судьбе северной столицы и страны. Но звенят и теперь прозрачные напевы романтика, мечтателя и бойца БГ, утверждая силой любви веру в грядущий День. И услышав мой ответ: «Ну как же? Он – наш человек», Александр просветлел лицом и надолго замолчал. О чем было это молчание? Может быть, мы узнаем в следующих его работах-откровениях.

И проза, и поэзия, и музыка – камертон к разгадке его творчества. Сквозь любые бури и невзгоды человек Пути идет к Солнцу. И согревает людей. В этом – миссия Художника. Верен ей и Александр Оксак, художник и человек. Достоинство и скромность – две стороны личности. И это в полной мере отражается в произведениях мастера Александра Оксока, ничуть не озабоченного поиском денег и славы в век «юристов» и «финансистов». Его произведения с 80-х годов прошлого столетия находили своего зрителя и почитателя и в стенах Отечества – Казахстана, и за пределами, в частных коллекциях за рубежом.

В унисон природе, подвижной, изменчивой, живущей дыханием вечности, должно биться сердце художника, отвечая ее своенравию и гармонии. Дабы в совершенстве обладать этим сложным навыком, художник должен ею дышать. Вот такое чувство сопричастности и рождает невероятное – фантастическое и реальное – искусство Александра Оксока, мастера цвета, света, иллюзии и мечты.

